РѢЧЬ,

сказанная воспитанникамъ рязанской семинаріи въ 8-й день по кончинѣ о. ректора. *)

Есть на Руси одно весьма характерное присловье:— „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ". Это присловье, если когда, то въ настоящее время особенно примѣнимо къ намъ: у всѣхъ насъ одна болѣзнь, и у всѣхъ одна причина этой болѣзни, а поэтому одинъ предметъ слова. . Въ эти дни чувствуется какая-то непреодолимая потребность подѣлиться съ другими своими мыслями, чувствами и впечатлѣніями,—и всякій изъ насъ, слушая по нѣскольку разъ въ день одно и то же, не ощущаетъ однако же впечатлѣнія пресыщенности и скуки; напротивъ всякому хочется—или самому говорить, или другихъ слушать.

Доселѣ я безмолвствовалъ, давая мѣсто слову болѣе меня искуснымъ въ словѣ; но насталъ часъ, какъ я думаю—и мнѣ открыть свои уста, и если не для облегченія васъ—въ удручающей васъ скорби, то, по крайней мѣрѣ, для облегченія собственнаго сердца отъ удручающихъ его чувствъ. Выслушайте же съ любовію и мое слово: буду говорить вамъ объ о. ректорѣ только то, что самъ видѣлъ, что слышалъ отъ него самого и что передавали мнѣ о немъ люди близко его знавшіе и притомъ много уважаемые.

Не на розахъ родился нашъ покойный о. ректоръ и не розами былъ усѣянъ его жизненный путь въ большей своей части,—нѣтъ! Родился онъ въ нищетѣ, вскормила его нужда, а взлелѣяло горе,.. Можетъ быть и многимъ изъ васъ извѣстно по опыту, что значитъ быть сыномъ бѣднаго и многосемейнаго причетника; но едва ли скажу смѣло,—кому либо изъ васъ выпадало съ дѣтства на долю все то, что выпало на долю о. ректора.—„я безъ слезъ и содраганія и вспомнить не могу, что пришлось мнѣ испытать въ моемъ дѣтствѣ и юности,—не разъ говаривалъ мнѣ покойный о. ректоръ.

Могу сказать, что я въ буквальномъ смыслѣ росъ и воспитывался съ телятами и ягнятами—въ холодѣ и голодѣ, въ грязи и рубищахъ.—Прибѣжить бывало изъ училища или семинаріи домой на вакацію: другимъ радость, забавы и отдыхъ, а тебѣ -трудъ, лишеніе и слезы.—Помню, разсказывалъ мнѣ однажды онъ,—одинъ ужаснѣйшій годъ въ моей жизни, страшный голодный годъ, когда люди буквально пухли съ голоду и умирали .. Я долженъ былъ идти изъ дому обратно въ Рязань: на мнѣ были изодранные лаптишки, да худой халатишка изъ домашней пестряди. Матушка дала мнѣ краюшку хлѣбца на дорогу—и то пополамъ съ мякиной, да вынула изъ тряпицы свой завѣтный серебреный руб. и сказала: „на тебѣ, Вася! Вотъ все, что я имѣю!"

Помню и я эту хилую старушку—мать. Какъ-то странно было видѣть ея скромную фигурку въ покояхъ о. ректора съ веретеномъ и прялкою въ рукахъ. Такихъ старушекъ—труженницъ теперь какъ-то мало встрѣтишь!

Получивши этотъ рубль, я не шелъ, а бѣжалъ,—продолжалъ разсказъ о. ректоръ,—пробѣжавши верстъ десять, я не помню, какъ упалъ; когда я очнулся, солнце уже садилось, а до Рязани было еше далеко. Въ этотъ годъ мнѣ приходилось очень часто питаться корочками хлѣбца со стола другихъ семинаристовъ. До самой академіи я почти не зналъ чаю; когда—когда бывало случится купить *уголокъ* сахару, да съ этимъ уголкомъ и попить горячей водицы. Только въ академіи уже, когда мнѣ стали платить жалованье за письмоводство, я сталъ постоянно пить чай.—У меня большею частію не было учебниковъ, потому что не на что было купить, и я долженъ былъ бѣгать изъ одного конца Рязани въ другой—къ товарищамъ, чтобы выучить уроки. Съ теченіемъ времени, я пріучилъ себя записывать все въ классѣ, или переписывать у товарищей: такъ и учился."

Вотъ въ какой неприглядной обстановкѣ протекли дѣтство, отрочество и юношество о. ректора. „Вы еще не знаете жизни?„—очень часто любилъ онъ говаривать мнѣ, когда я высказывалъ ему какія либо неоснователь-

ныя сужденія о жизни и людяхъ. Да, *такой* жизни я не зналъ, да не дай Богъ и знать ее кому бы то ни было!

Эта тяжелая обстановка начальной жизни очень рано познакомила его съ трудомъ. Уже съ училища онъ началъ самъ заработывать себѣ пропитаніе—сперва перепискою бумагъ, а потомъ репетированіемъ другихъ мальчиковъ: „я сколько запомню о. ректора,—говорилъ мнѣ одинъ почтенный человѣкъ, *А. В. Д—ій*, онъ всегда былъ такимъ же труженникомъ, какимъ вы видите его нынѣ. Когда я учился въ семинаріи, онъ былъ у насъ на квартирѣ старшимъ. Наша квартира была на *Борисоглѣбкѣ*. Бывало никогда не увидишь его безъ дѣла. Каждый день онъ у всѣхъ переспросить уроки, растолкуетъ,—и когда мы уже совсѣмъ уляжемся спать, тогда только онъ приступаетъ къ собственнымъ занятіямъ. Бывало проснешься въ часу первомъ ночи, а онъ все еще сидитъ передъ свѣчей: читаетъ или пишетъ!“ Точно такой же отзывъ мнѣ пришлось однажды слышать отъ сотоварища о. ректора по академіи, достоуважаемаго профессора *В. Д. К—ва*: „Какъ поживаетъ Василій Ивановичъ?—спросилъ онъ меня при свиданіи,—и затѣмъ, не дожидаясь моего отвѣта, вѣроятно все трудится!—Я жилъ съ нимъ въ одномъ номерѣ,—началъ онъ припоминать,—и не помню, чтобы видѣлъ его безъ дѣла. Всѣ мы просто удивлялись ему. Его бывало не оттащишь отъ стола. Даже, какъ теперь помню, въ первый день Свѣтлаго праздника онъ сѣлъ заниматься!“

Неудивительно послѣ этого, что онъ съ такимъ успѣхомъ прошелъ и училищный, и семинарскій, и академическій курсы, и что вездѣ его отличали и хорошо запоминали!

Но вотъ школьная жизнь окончилась: о. ректоръ поступаетъ *въ г. Ряжскъ*, на мѣсто соборнаго протоіерея и благочиннаго. Опять обстановка не приглядная,—особенно если взять во вниманіе, что онъ былъ магистромъ, опять заботы, непріятности и лишенія! „Приходъ мой,—говаривалъ о. ректоръ,—былъ тогда не таковъ, какъ нынѣ: я на первыхъ порахъ едва *триста* руб.

могъ получить въ годъ. Тогда соборный штатъ былъ больше.—Тяжело было мнѣ собирать эти мѣдные гроши! Придешь бывало въ иную лачужку, посмотришь—бѣдность и нищета! пропоешь празднику, и вмѣсто благодарности—смотришь къ тебѣ же протягиваютъ руку. случалось такъ: что получишь въ одномъ домѣ, то въ другомъ и отдашь!—А сколько разъ приходилось чуть не на четверенькахъ сползать по обледенѣлымъ оврагамъ, во время святочнаго хожденія,- сколько разъ приходилось разбивать себѣ лобъ о притолки, спотыкаться въ темныхъ сѣнцахъ о пороги и пр.“

Какъ благочинный, о. ректоръ былъ образцомъ аккуратности и исполнительности: дѣлъ онъ никогда не откладывалъ въ дальній ящикъ. „Бывало, говор. онъ,—сильная вьюга и морозъ, зги не видно, а ѣдешь, пот. что дѣло не требуетъ отлагательства; сидишь иногда въ грязной и угарной избѣ по нѣскольку сутокъ на черномъ хлѣбѣ да на соленыхъ огурцахъ.—Какъ младшій по лѣтамъ, между сопресвитерами, я естественно не могъ, въ началѣ своего священнослуженія, избѣжать чувства зависти и, можетъ быть, недоброжелательства со стороны нѣкоторыхъ изъ духовной братіи“—читаемъ мы въ его юбилейной рѣчи. Но, скажемъ мы, *какъ пастырь непостыдный и право правящій слово истины*, онъ всѣми этими непріятностями, трудами, заботами и лишеніями не смущался и не впадалъ въ уныніе; напротивъ, „стоялъ мужественно и спокойно, совершая безбоязненно и неустанно свое дѣло, помня урокъ, данный самимъ Пастыреначальникомъ Христомъ: *кто хочетъ быть большимъ между другими, да будетъ всѣмъ слугой.*“ Дѣйствуя такъ, онъ, затѣмъ, „самымъ дѣломъ убѣдился въ истинѣ этихъ словъ“. По истеченіи *двѣнадцати лѣтъ* его службы, ему „съ любовію и преданностію была поднесена ряжскимъ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ икона Божіей Матери „Утоли моя печали“, а затѣмъ уже здѣсь, въ Рязани, отъ всего общества г. Ряжска—золотой съ украшеніями крестъ.

Памятникомъ его пастырской дѣятельности въ Ряжскѣ остается великолѣпный соборъ, въ которомъ онъ нынѣ и почиваетъ. Этотъ соборъ онъ воздвигъ. А сколько онъ воздвигъ нерукотворенныхъ храмовъ, обиталищъ Духа святаго. Это можетъ свидетельствовать та любовь, съ какою его приняли на вѣчный покой его бывшіе чада по духу,— и каковой мы были свидѣтелями.

А каковы его были труды здѣсь, въ Рязани, я думаю, это всѣмъ вамъ извѣстно. По крайней мѣрѣ, я никогда не заставалъ его празднымъ; вѣчно, когда ни придешь къ нему, онъ сидитъ у письменнаго стола за грудами бумагъ и книгъ. „Что о. ректоръ, спросилъ я его однажды, если бы всѣ бумаги, написанныя вашей рукой, изрѣзавъ на мелкія полоски и склеить ихъ, я думаю, можно было бы весь экваторъ обвить этой лентой!“ „Да, сказалъ онъ улыбаясь,—я потрудился не мало на своемъ вѣку. Кажется, я скоро и самъ обращусь въ эту бумагу!“—Особенно напряженна была его дѣятельность въ первые годы его служенія родной семинаріи, когда онъ засталъ большую часть дѣлъ въ нестроеніи и когда согласно новому уставу, нужно было заводить и новые порядки. „Я работалъ,—говорилъ онъ мнѣ,—до пяти и шести часовъ утра; спалъ только два—три часа въ сутки. Разъ я заработался до такой степени, что не помнилъ какъ и уснулъ надъ бумагами—съ перомъ въ рукѣ: чуть было не сжегъ себя!“ Онъ даже и въ гости хаживалъ иногда съ дѣловыми „бумаженками.“—„О. ректоръ! Да вы бы лучше ужь и вовсе не приходили: развѣ вамъ еще не надоѣли эти бумаги дома!“—„Да тутъ всего только *на пять минутъ*!“—бывало скажетъ; а на дѣлѣ то выйдетъ и побольше часу!—Даже и въ болѣзни,—и даже въ своей послѣдней болѣзни,—онъ неоставлялъ своихъ занятій, не смотря на всѣ увѣщанія и наши и врачей.—Однажды набравшись духу, я сказалъ его домашнимъ: „да поломайте вы ему всѣ его перья и побейте всѣ чернильницы: можетъ быть хоть при такихъ чрезвычайныхъ средствахъ, онъ хоть немножко пожалѣетъ себя и васъ!“—„А кто же будетъ

за меня работать и отвѣчать“—замѣтилъ онъ мнѣ и принялся опять за свое.

Начали строить это зданіе. Мы видимъ, что онъ очень слабъ,—просимъ не ходить, что—де и безъ него все хорошо обойдется! Но не тутъ то было: нѣтъ—нѣтъ, смотри и появится! Идетъ, еле переплетаетъ ногами—въ своей черной ряскѣ и черной соломенной шляпѣ, идетъ да постукиваетъ объ кирпичи. „Теперь кажется будетъ все хорошо.—скажетъ какъ бы про себя; можетъ найдется какая нибудь добрая душа да и помянетъ добрымъ словомъ!“—и уйдетъ затѣмъ еще медленнѣе, чѣмъ пришелъ.

И такъ вся жизнь покойника о. ректора представляетъ только одну непрерывную цѣпь труда, заботъ, лишеній и самоотверженія!... Не есть ли эта жизнь, сама по себѣ уже цѣлое поученіе для насъ; нужны ли еще разсужденія объ этомъ? Предоставляемъ отвѣчать вамъ самимъ. Онъ васъ любилъ болѣе чѣмъ какъ вы себѣ представляете,—и скажу не обинуяся—*любилъ до слабости*. Нужно было только посмотрѣть на него въ то время, когда онъ бывалъ па экзаменѣ, или составлялъ переводные списки, или когда распредѣлялись пособія!.. Въ это время, казалось, что о. рект. за каждую вашу *двойку* страдалъ если не больше. то, по крайней мѣрѣ, не меньше вашего; если представлялась хоть какая нибудь возможность, то какихъ ужь стараній бывало неупотреблялъ онъ, чтобы „*натянуть на троечку*!“—И какъ радовался, если это ему удавалось казалось, что будто онъ самъ получаетъ эту троечку! „О. рект., да этимъ вы ихъ въ конецъ избалуете, бывало замѣтишь ему; они послѣ этого позабрасаютъ и книжки и не станутъ учиться!“ „Ну, это ужь толку чуть! За это я ему дамъ хорошую проборку; а только ужь вы поставьте ему троечку!“ Ну, и поставишь—нечего дѣлать!

А когда раздавали пособіе, то какое иногда страданіе выражалось на его лицѣ, если не было возможности удовлетворить всѣхъ просящихъ, или если самое пособіе было слишкомъ незначительно! Въ такихъ слу-

чаяхъ онъ бывало скажетъ: Ну, ужь я изъ своихъ доплачу?“ —Да, онъ васъ любилъ до слабости и оберегалъ отъ всего, какъ насѣдка оберегаетъ своихъ птенцовъ.

Терпѣніе и труды все перетрутъ,—любилъ онъ говорить. Совершенная правда: *его* терпѣніе и *его* трудъ все перетирали: *они перетерли даже и его самаго*.

Последнее желаніе о. рект. было, чтобы всѣ мы простили ему, если онъ противъ кого, по естественной слабости человѣка, погрѣшилъ и чтобы мы молились о немъ. „За этими дѣлами мнѣ не оставалось времени думать о себѣ самомъ!“ вотъ были его послѣднія слова.

Друзья!—Это единственная и послѣдняя просьба нашего о. рект. къ намъ. Въ настоящее время для него настаетъ самое тяжелое испытаніе: *лежитъ человѣку единою умрети, потомъ же судъ*, учитъ насъ слово Божіе. Этотъ судъ, по ученію Церкви, совершается надъ умершимъ въ эти *сорокъ дней*, которые, поэтому, и называются *мытарствами*. Душа человѣка, самоуглублясь даетъ отчетъ о себѣ Богу; припоминается ей многое такое, что оставалось забвеннымъ при жизни: душа приходитъ въ смущеніе и ищетъ себѣ поддержки., Эту поддержку даютъ ей молитвы св. Церкви Усугубимъ же свои молитвы о немъ, особенно въ нынѣшніе дни: да пройдетъ его душа эти воздушныя пространства безъ запинаній и да вселится идѣже свѣтъ присносущный. Это будетъ самая лучшая дань нашей любви къ нему.

М. Зіоровъ.